

УДК 343.131.5
ББК 67.410.212

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В.Н. Перекрестов

Как показывает практика, на стадии следствия получение показаний обвиняемого нередко происходит с нарушением его прав либо в обход установленного законом порядка. При этом прокурорские проверки по жалобам обвиняемого о применении к нему недопустимых методов ведения следствия оказываются безрезультатными, а суды допустимость полученных таким образом доказательств не оценивают. В результате неизбежно возникают сложности с оценкой достоверности сообщенных лицом сведений по существу дела.

Ключевые слова: признание вины, процессуальные гарантии, незаконные методы расследования, самооговор, незаконные действия, судебные процедуры.

По-прежнему большие претензии высказывает Суд... в отношении применения недопустимых способов получения признательных показаний в ходе проведения следственных действий.

А.И. Ковлер

Проблема обеспечения гарантий добровольности признания вины, высказанная судьей ЕС по правам человека А.И. Ковлером, остро встает сегодня как перед правоприменителями, так и перед законодателем [6]. Зачастую подсудимыми делаются заявления в ходе предварительного расследования или в суде о применении к ним недопустимых методов получения показаний. Проверка таких заявлений представляет особые трудности, требующие своего разрешения.

Когда речь заходит об упрощении судебной процедуры, затрагивающем такие незыблемые принципы судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, как со-

стязательность, презумпция невиновности, обеспечение права на защиту, непосредственность исследования всех доказательств, пределы судебного разбирательства, всегда надо помнить о главном условии – это неперемное сохранение всех процессуальных гарантий. В противном случае мы можем возвратиться в то прошлое, когда единственным двигателем и стимулом всего уголовного процесса являлось получение любым путем у обвиняемого признания своей вины [12, с. 22].

К сожалению, в настоящее время прослеживается отступление от вышеуказанных процессуальных гарантий, в первую очередь это касается непосредственности исследования всех доказательств, презумпции невиновности.

Мировая практика действия институтов сделок о признании вины, сокращенных форм уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что самой главной проблемой, а точнее, самым большим недостатком работы данных институтов является возможность самооговора, в том числе под влиянием правоохранительных органов. В меньшей мере это касается добровольного самооговора, и еще реже добросовестного заблуждения.

Так, по-прежнему является неразрешенным вопрос о гарантиях добровольности по-

лучения признания вины в случаях особого порядка судебного разбирательства, досудебного соглашения о сотрудничестве, деятельного раскаяния, примирения сторон. По нашему мнению, целесообразно в уголовно-процессуальное законодательство ввести гарантии добровольности получения признания вины в вышеперечисленных случаях.

Процессуальная гарантия – это функциональное понятие, указывающее на то, какую функцию выполняет тот или иной институт, какой цели он служит. Поэтому выделенные нами ниже гарантии добровольности получения признания обвиняемым своей вины служат обеспечению охраны прав и законных интересов обвиняемого.

Очевидно, что основным условием при получении от обвиняемого показаний с признанием своей вины является исключение какого-либо принуждения со стороны должностных лиц, проявляющегося в различных угрозах, обещаниях, а также непосредственно в физических и психологических воздействиях на допрашиваемого. Факты применения недозволённых методов воздействия на обвиняемых (подозреваемых) достаточно сложно доказуемы. Шантаж или угроза, высказанные допрашиваемому обвиняемому, в случае проведения допроса без участия адвоката могут подтверждаться лишь словами обвиняемого. Еще сложнее доказать давление, осуществлённое сотрудниками правоохранительных органов, произведённое до дачи показаний, имеющее целью повлиять на содержание показаний обвиняемого.

«В подавляющем большинстве жалоб на приговоры судов (70 %), поступивших Уполномоченному по правам человека, имеются сведения о том, что на стадии дознания либо предварительного следствия с целью получения показаний о признании вины к задержанным применялось физическое и психическое насилие, допускались процессуальные нарушения при расследовании уголовных дел сотрудниками милиции, что, по мнению заявителей, и повлекло постановление неправоудного приговора» [10].

Большинство случаев незаконного физического воздействия в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, носит латентный характер, что

можно объяснить страхом пострадавших перед применением нового насилия, безверием в справедливое возмездие и правовой безграмотностью. Согласно проведенному социологическому исследованию среди работников «скорой помощи» и травмпунктов в 42 городах России, включая Москву и Санкт-Петербург, 45% респондентов сообщили, что им приходилось выезжать по заявкам в здания правоохранительных органов к пострадавшим с признаками насилия, причиненного сотрудниками милиции. По данным правозащитной организации «Хьюман райтс уотч», не менее 30 % подозреваемых в уголовных преступлениях сталкиваются с использованием насилия, направленного на получение признательных показаний [14, с. 31].

Имеется немногочисленная практика Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, когда приговор по делу отменялся и дело направлялось на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, так как оставались невыясненными обстоятельства, касающиеся ни проверки и дачи оценки судом доводам осужденного о применении недозволённых методов ведения следствия и ни возобновления судебного следствия после того, как подсудимый сообщил о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела ¹.

Основная масса данных фактов находит свое разрешение только в Европейском суде по правам человека, а также в докладах уполномоченного по правам человека и из данных, полученных общественными организациями.

Так, 29 июля 2010 г. Европейский суд по правам человека огласил постановление по делу «Копылов против России» (Kopylov v. Russia, жалоба № 3933/04). Данным постановлением Страсбургский суд признал, что в отношении заявителя – Олега Копылова, жителя Липецка, – было допущено четыре нарушения права не подвергаться пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, которое гарантировано ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В своей жалобе в Европейский суд по правам человека заявитель указал, что в январе 2001 г. он был задержан по подозрению в совершении убийства сотрудника милиции. Это следовало из обстоятельств пос-

ледующих допросов. В протоколе задержания было зафиксировано лишь подозрение в причастности к незаконному обороту наркотических средств. Олег Копылов сообщил, что в течение нескольких дней он подвергался «допросам», проводимым сотрудниками милиции, в ходе которых его жестоко и беспрестанно избивали до тех пор, пока он не признался в совершении убийства. От него также потребовали сделать заявление о том, что он не нуждается в услугах защитника [4].

А.Д. Назарова предлагает в качестве одной из гарантий против грубого физического давления изменить ведомственную принадлежность медицинских работников ИВС и СИЗО, отнеся их к сотрудникам аппарата уполномоченного по правам человека в России, уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации; перед каждым допросом и по возвращении с допроса, а также ежедневно проводить медицинское освидетельствование заключенного. Кроме того, автор предлагает удостоверить процедуру ознакомления с правами, в рамках которой задержанному вручалась бы ежедневно под подпись «Декларация прав задержанного».

Так, с позиции Европейского суда по правам человека наличие любой медицинской справки о выявленных телесных повреждениях, выданной в период задержания или непосредственно после освобождения задержанного, уже является основанием для предъявления требований к государству, если государство-ответчик не докажет обратное [15].

По мнению О.Я. Баева, в целях устранения какого-либо незаконного воздействия на допрашиваемого необходимо, во-первых, «подвергнуть задержанного до его допроса по существу дела судебно-медицинскому освидетельствованию на предмет установления наличия телесных повреждений: в случае если таковые будут обнаружены, незамедлительно допросить подозреваемого об обстоятельствах их получения. Во-вторых, после дачи подозреваемым «признательных» показаний вновь произвести его судебно-медицинское освидетельствование. Цель его ясна: установить, что в промежутке между первым и новым освидетельствованием у подозреваемого не появились телесные повреждения» [1, с. 250].

Согласно ч. 2 ст. 95 УПК РФ в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым с письменного разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело, в присутствии защитника.

Данная новелла с самого начала получила неоднозначные отзывы со стороны процессуалистов. Приведем высказывание, содержащееся в статье, вышедшей в 2002 году. Ее автор Н.Н. Ковтун, на наш взгляд, справедливо отметил, что «сотрудники оперативных аппаратов и служб могут поблагодарить законодателя за предоставленные им дополнительные возможности для получения признательных показаний от лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений. ... «ценность» данной новеллы для оперативных аппаратов и служб особенно ясна с учетом ч. 2 ст. 95 УПК, где сказано, что в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий с разрешения лица, в производстве которого находится дело, допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с задержанным. С разрешением на такие встречи, полагаем, проблем не будет. Тем более что защитник подозреваемого, призванный к оказанию ему юридической помощи, в силу конфиденциального (оперативно-розыскного) характера подобных встреч, при этом не присутствует и присутствовать объективно не может» [7, с. 46].

Мы солидарны с Б.Т. Безлепкиным, считающим, что одним из существенных изъянов конструкции данной нормы является «идея контроля со стороны дознавателя, следователя, прокурора и особенно суда за оперативно-розыскной деятельностью спецслужб, даже если она как-то касается обвиняемого по уголовному делу, находящемуся в их производстве. Такая наивная идея представляется практически неосуществимой и теоретически несостоятельной. Нельзя правовыми средствами контролировать деятельность негласную и не основанную на правоотношениях. Нельзя себе представить ни судью, ни прокурора, ни следователя, охраняющих душевный

покой “своего” содержащегося в следственном изоляторе обвиняемого в грабеже, к которому спецслужбы присматриваются как к возможному участнику бандформирования» [2, с. 144].

Как представляется, проведению оперативными сотрудниками, по существу, незаконных действий с подозреваемыми, обвиняемыми способствуют положения уголовно-процессуального законодательства. Такие встречи проходят без участия защитников. Нарушаются не только права подозреваемых, обвиняемых, но и потерпевших, так как оперативные сотрудники не принимают меры к установлению лиц, совершивших преступления, а, по существу, фальсифицируют доказательства [11].

Таким образом, мы считаем целесообразным согласиться с вышеуказанными доводами, данными авторитетными учеными, и признать одной из гарантий добровольности признания вины введение запрета на общение с оперативными работниками, в связи с чем исключить ч. 2 ст. 95 УПК РФ.

УПК РФ в основном достаточно регламентировал процессуальный порядок допроса свидетелей на досудебном этапе производства по делу и на судебном разбирательстве. В то же время в нем не упоминается вовсе о возможности допроса следователей, дознавателей и оперативных сотрудников. Практика уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что названные категории лиц привлекались и допрашивались в качестве свидетелей для разъяснения различных обстоятельств дела с целью правильного его разрешения как на стадии досудебного производства, так и на стадии судебного разбирательства. Причем это фактически имело место и в досоветский, и в советский, и в постсоветский период, и сегодня в период действия УПК РФ.

В УПК РФ не уделено должного внимания вопросу возможности использования в доказывании показаний свидетелей из числа дознавателей, следователей о признании обвиняемым своей вины. Хотя такие показания довольно часто используются в судебно-следственной практике.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 6 февраля 2004 г. № 44-О четко указал, что положение, содержащееся в ч. 3 ст. 56 УПК Российской Феде-

рации в его конституционно-правовом толковании, не может служить основанием для воспроизведения в ходе судебного разбирательства **содержания показаний** (выделено нами. – В. П.) подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля, дознавателя или следователя, производившего дознание или предварительное следствие [9].

Практика судов, когда по каждому уголовному делу в случае отказа подсудимого от имевшего места признания им своей вины по мотивам принудительного воздействия на него в досудебном производстве требовалось вызывать следователя, проводившего предварительное расследование, носит явно порочный характер, так как в данном случае подтверждать показания подсудимого – это равнозначно самому следователю признать свою вину.

В большинстве подобных случаев следователи и дознаватели отрицают указываемые подсудимыми факты и их допросы завершаются, по сути, ничем, поскольку логически невозможно проверить достоверность заявлений подсудимого показаниями следователя.

Также одной из гарантий добровольности получения признания вины в рамках института особого порядка судебного разбирательства следует рассмотреть предложение о введении допроса.

Совершенно справедливо отмечает Н.С. Манова, что «применение сокращенной процедуры исследования доказательств предполагает, что судья должен лично допросить подсудимого, так как добровольность и достоверность признания им своей вины имеет важное юридическое значение для дальнейшего построения процесса» (цит. по: [13, с. 119]).

По мнению А. Гричаниченко, опроса подсудимого в порядке ч. 4 ст. 316 УПК РФ достаточно для исключения самоговора. Мы поддерживаем данное мнение и присоединяемся к доводам А. Кирьянова, поддержавшего и достаточно аргументированно обосновавшего данное мнение, согласно которому «необходимо создать более развернутый перечень вопросов, подлежащих выяснению у подсудимого, чтобы оценить, заявил ли он хода-

тайство добровольно и осознанно, консультировался ли он при этом с защитником. Таки-ми вопросами могут быть, например, знаком ли подсудимый с защитником, как долго длилась консультация, разъяснял ли защитник последствия заявляемого обвиняемым ходатайства: особенности процедуры особого порядка и особенности обжалования, не оказывалось ли на обвиняемого давления на предварительном расследовании, признает ли он себя виновным, в чем именно он признает себя виновным (при этом могут быть заданы вопросы по существу обвинения)» [5, с. 137].

Представляется, что по уголовным делам, когда подсудимые признают свою вину, отказываются от судебного следствия, ни одна из сторон не возражает, более того – они об этом ходатайствуют, допрос подсудимых в суде представляется необходимым, поскольку, несмотря на все гарантии, существует риск осуждения невиновного. Допрос подсудимого позволит суду понять, что признание вины было добровольным [14]. Данная позиция поддерживается также Н. Громовым, В. Быковым [3, с. 93].

По нашему мнению, целесообразно внедрить дополнительные гарантии добровольности получения признания вины, а именно:

– запретить общение с подозреваемым, обвиняемым оперативным работникам, исключив ч. 2 ст. 95 УПК РФ;

– запретить допрос в качестве свидетелей дознавателей, следователей, оперативных сотрудников при отказе подсудимого от дачи показаний в связи с применением к нему незаконных методов расследования с целью выявления добровольности ранее данных показаний в ходе досудебного производства, дополнив ч. 3 ст. 56 УПК РФ новым пунктом 6, предусматривающим запрет на допрос в качестве свидетелей следователя и дознавателя *об обстоятельствах признания подозреваемым и обвиняемым своей вины*;

– ввести допрос подсудимого в ходе проведения судебного заседания в особом порядке судебного разбирательства посредством внесения изменений в ч. 5 ст. 316 УПК РФ, а именно «судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу». При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризую-

щие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, *а также проведен допрос с целью установления добровольности получения признания вины*;

– предоставить адвокату возможность освидетельствовать подозреваемого (обвиняемого) при наличии жалоб со стороны последнего на применение физического насилия, привлекая в необходимых случаях специалиста;

– не допускать допрос в качестве свидетеля лица, фактически находящегося в положении подозреваемого;

– запретить производство с обвиняемым (подозреваемым) очных ставок, проверок показаний на месте без участия защитника, чтобы исключить искусственное приумножение доказательственной базы за счет закрепления в протоколах очных ставок и проверки показаний на месте признания вины в отсутствие надлежащих гарантий.

Думается, что данная система гарантий создаст надежный и эффективный механизм реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Автор ссылается на определение Верховного Суда РФ от 13.07.2006 № 92-о06-4; определение Верховного Суда РФ от 07.05.2008 № 81-о08-6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баев, О. Я. Основы криминалистики : курс лекций / О. Я. Баев. – М. : Экзамен, 2001. – 287 с.
2. Безлепкин, Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя / Б. Т. Безлепкин. – М. : Велби : Проспект, 2008. – 288 с.
3. Быков, В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / В. Быков, Н. Громов // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 91–94.
4. Европейский суд по правам человека. ЖЖ сайта Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://europeancourt.livejournal.com/16647.html>. – Загл. с экрана.
5. Кирьянов, А. Ю. Презумпция невиновности в современном уголовном процессе России и актуальные проблемы ее реализации : монография

/ А. Ю. Кирьянов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Лазаревой. – Самара : Самар. ун-т, 2009. – 150 с.

6. Ковлер, А. И. Более 90 процентов жалоб, поступающих в ЕСПЧ, признаются неприемлемыми : [интервью] / А. И. Ковлер // Уголовный процесс. – 2011. – № 5. – С. 32–34.

7. Ковтун, Н. Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем / Н. Н. Ковтун // Юридическая литература. – 2010. – № 10. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Назаров, А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда / А. Д. Назаров. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 48–49.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко В.Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении дополнений и изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Руднев, В. И. Оглашение в суде показаний подсудимых, а также потерпевших и свидетелей, ранее данных ими при производстве предварительного расследования / В. И. Руднев // Юридическая литература. – 2010. – № 6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Рябинина, Т. К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства / Т. К. Рябинина // Российский судья. – 2004. – № 9. – С. 21–23.

13. Сутягин, К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу / К. И. Сутягин. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 198 с.

14. Татьяна, Л. Особый порядок принятия судебного решения / Л. Татьяна // Законность. – 2003. – № 12. – С. 30–33.

15. Чурилов, Ю. Ю. Формы физического принуждения к даче признательных показаний и тактика профессиональной защиты / Ю. Ю. Чурилов // Гражданин и право. – 2009. – № 1. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

DEVELOPMENT OF THE GUARANTEE SYSTEM OF ADVERTENT CONFESSION AS A MODERNIZATION TREND IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

V.N. Perekrestov

As practice shows, at the investigation stage the obtainment of the testimony of the accused often occurs in the violation of his rights or bypassing the legally established order. The Prosecutor's check on the complaints of the accused who apply to him in case of unlawful methods of investigation turns out to be unsuccessful, and the courts do not evaluate the admissibility of the thus obtained evidence. As a result of difficulties inevitably arise with the assessment of the reliability of the reported person of information on the merits of the case.

Key words: admission of guilt, procedural guarantees, illegal methods of investigation, self-incriminating, illegal acts, court proceedings.